

А. Шопенгауэр

МЕТАФИЗИКА ПОЛОВОЙ ЛЮБВИ

/// Шопенгауэр А. Избранные произведения. - М., 1992, с. 384-405.

...То, что в основе всякой половой любви лежит инстинкт, направленный исключительно на будущее дитя, - это станет для нас вполне несомненным, если подвергнуть его, названный инстинкт, более точному анализу, который поэтому неминуемо и предстоит нам.

Прежде всего надо заметить, что мужчина по своей природе обнаруживает склонность к непостоянству в любви, а женщина - к постоянству. Любовь мужчины заметно слабеет с того момента, когда она получит себе удовлетворение: почти всякая другая женщина для него более привлекательна, чем та, которою он уже обладает, и он жаждет перемены; любовь женщины, наоборот, именно с этого момента возрастает. Это - результат целей, которые ставит себе природа: она заинтересована в сохранении, а потому и в возможно большем размножении всякого данного рода существ. В самом деле: мужчина легко может произвести на свет больше ста детей в год, если к его услугам будет столько же женщин; напротив того, женщина, сколько бы мужчин она ни знала, все-таки может произвести на свет только одно дитя в год (я не говорю здесь о двойнях). Вот почему он всегда засматривается на других женщин, она же сильно привязывается к одному, ибо природа инстинктивно и без всякой рефлексии побуждает ее заботиться о кормильце и защитнике будущего потомства. И оттого супружеская верность имеет у мужчины характер искусственный, а у женщины - естественный, и таким образом, прелюбодеяние женщины как в объективном отношении, по своим последствиям, так и в субъективном отношении, по своей противоестественности, гораздо непростительнее, чем прелюбодеяние мужчины.

Но чтобы не быть голословным и вполне убедиться в том, что удовольствие, которое нам доставляет другой пол, как бы объективно оно ни казалось, на самом деле не что иное, как замаскированный инстинкт, т.е. дух рода, стремящегося к сохранению своего типа, для этого мы должны точно исследовать даже те мотивы, которые руководят нами при выборе объектов этого удовольствия, и войти здесь в некоторые специальные подробности, как ни странно может показаться, что такие детали находят себе место в философском произведении. Эти мотивы распадаются на следующие категории: одни из них относятся к типу рода, т.е. к красоте, другие имеют своим предметом психические свойства, наконец, третьи носят чисто относительный характер и возникают из необходимости взаимных коррективов или нейтрализации односторонностей и аномалий обоих любящих индивидуумов. Рассмотрим все эти категории порознь.

Главное условие, определяющее наш выбор и нашу склонность, это - возраст. В общем он удовлетворяет нас в этом отношении от того периода, когда начинаются менструации, и до того, когда они прекращаются; но особенное предпочтение отдаем мы поре от восемнадцати до двадцати восьми лет. За этими пределами ни одна женщина не может быть для нас привлекательной: старая женщина, т.е. уже не имеющая менструаций, вызывает у нас отвращение. Молодость без красоты все еще привлекательна, красота без молодости - никогда. Очевидно, соображение, которое здесь бессознательно руководит нами, это - возможность деторождения вообще; оттого всякий индивидуум теряет свою привлекательность для другого пола в той мере, в какой он удаляется от периода наибольшей пригодности для производительной функции или для зачатия. Второе условие, это - здоровье: острые болезни являются в наших глазах только временной помехой; болезни же хронические или худосочие совершенно отталкивают нас, потому что они переходят

на ребенка. Третье условие, с которым мы сообразуемся при выборе женщины, - это ее сложение, потому что на нем зиждется тип рода. После старости и болезни ничто так не отталкивает нас, как искривленная фигура: даже самое красивое лицо не может нас вознаградить за нее; напротив, мы безусловно предпочитаем самое безобразное лицо, если с ним соединяется стройная фигура. Далее, всякая непропорциональность в телосложении действует на нас заметнее и сильнее всего, например, кривобокая, скрюченная, коротконогая фигура и т.п., даже хромающая походка, если она не является результатом какой-нибудь внешней случайности. Наоборот, поразительно красивый стан может возместить всякие изъяны: он очаровывает нас. Сюда же относится и то, что все высоко ценят маленькие ноги: последние - существенный признак рода, и ни у одного животного тарсус и метатарсус, взятые вместе, не так малы, как у человека, что находится в связи с его прямою походкой: человек - существо прямоходящее. Вот почему и говорит Иисус Сирахов (26, 23, по исправленному переводу Крауза): "женщина, которая стройна и у которой красивые ноги, подобна золотой колонне на серебряной опоре". Важны для нас и зубы, потому что они играют очень существенную роль в питании и особенно передаются по наследству. Четвертое условие - это известная полнота тела, т.е. преобладание растительной функции, пластичности: оно обещает плоду обильное питание, и оттого сильная худоба сразу отталкивает нас. Полная женская грудь имеет для мужчины необыкновенную привлекательность, потому что, находясь в прямой связи с детородными функциями женщины, она сулит новорожденному обильное питание. С другой стороны, чрезмерно жирные женщины противны нам; дело в том, что это свойство указывает на атрофию матки, т.е. на бесплодие; и знает об этом не голова, а инстинкт. Только последнюю роль в нашем выборе играет красота лица. И здесь прежде всего принимаются в соображение костные части: вот почему главное внимание мы обращаем на красивый нос; короткий вздернутый нос портит все. Счастье целой жизни для множества девушек решил маленький изгиб носа кверху или книзу; и это справедливо, потому что дело здесь идет о родовом типе. Маленький рот, обусловленный маленькими челюстями, играет очень важную роль, потому что он составляет специфический признак человеческого лица в противоположность пасти животных. Отставленный назад, как бы отрезанный подбородок в особенности противен, потому что выдающийся вперед подбородок составляет характерный признак исключительно нашего, человеческого вида. Наконец, внимание наше привлекают красивые глаза и лоб: они связаны уже с психическими свойствами, в особенности интеллектуальными, которые наследуются от матери.

Те бессознательные побуждения, которыми, с другой стороны, следуют в своем выборе женщины, естественно, не могут быть нам известны с такою же точностью. В общем можно утверждать следующее. Женщины предпочитают возраст от 30 до 35 лет и отдают ему преимущество даже перед юношеским возрастом, когда на самом деле человеческая красота достигает высшего расцвета. Объясняется это тем, что женщинами руководит не вкус, а инстинкт, который в мужественном возрасте угадывает кульминационный пункт производительной силы. Вообще, они мало обращают внимания на красоту, т.е., собственно, на красоту лица: точно они берут всецело на себя дать ее ребенку. Главным образом побеждает их сила и связанная с нею отвага мужчины, потому что это обещает им рождение здоровых детей и в то же время мужественного защитника последних. Каждый физический недостаток мужчины, каждое уклонение от типа женщина может в родившемся дитяти парализовать, если она сама в тех же отношениях безукоризненна или представляет уклонение в противоположную сторону. Отсюда необходимо исключить только те свойства мужчины, которые специально присущи его полу и которых поэтому мать не может передать своему ребенку: сюда относятся мужское строение скелета, широкие плечи, узкие бедра, прямые ноги, мускульная сила, мужество, борода и т.п. Вот почему женщины часто любят безобразных мужчин; но никогда не полюбит женщина мужчину немужественного, потому что она не могла бы нейтрализовать его недостатков.

Вторая категория мотивов, лежащих в основе половой любви, - это та, которая относится к психическим свойствам. В этой области мы видим, что женщину всегда привлекают в мужчине достоинства его сердца, или характера, которые составляют отцовское наследие. В особенности пленяют женщину сила воли, решительность и мужество, а также, пожалуй, благородство и доброе сердце. Напротив того, интеллектуальные преимущества не имеют над нею инстинктивной и

непосредственной власти именно потому, что эти свойства наследуются не от отца. Ограниченность не вредит успеху у женщин; скорее помешают здесь выдающиеся умственные силы и даже гениальность, как явления ненормальные. Вот почему некрасивый, глупый и грубый мужчина нередко затмевает в глазах женщины человека образованного, даровитого и достойного. Да и браки по любви иногда заключаются между людьми, которые в духовном отношении совершенно разнородны: например, он - груб, крепок и ограничен, она - нежна, чутка, с изящной мыслью, образована, восприимчива к прекрасному и т.д., или же он - гениален и учен, она - глупа:

*Так нравится Венере; любит она ради
жестокой забавы склонять под железное
ярмо разные лица и души.*

Объясняется это тем, что преобладающую роль играют здесь вовсе не интеллектуальные, а совершенно другие побуждения, именно, побуждения инстинкта. Брак заключается не ради остроумных беседований, а для рождения детей. Это - союз сердец, а не умов. Когда женщина утверждает, что она влюбилась в ум мужчины, то это суетная и смешная выдумка или же аномалия выродившегося существа. Что же касается мужчин, то они в своей инстинктивной любви к женщине руководятся не свойствами ее характера; вот почему столько Сократов имело своих Ксантипп, например, Шекспир, Альбрехт Дюрер, Байрон и др. Интеллектуальные же свойства, бесспорно, оказывают здесь влияние именно потому, что они передаются по наследству от матери; но все же их влияние легко перевешивается влиянием физической красоты, которая, затрагивая более существенные пункты, производит на мужчину и более непосредственное действие. И вот матери, чувствуя или зная по опыту, какую роль в глазах мужчины играет ум девушки, обучают своих дочерей изящным искусствам, языкам и т.п., для того чтобы сделать их привлекательными для мужчин; искусственными средствами приходят они на помощь интеллекту, подобно тому как в надлежащих случаях такие же средства употребляются по отношению к бедрам и груди. Необходимо помнить, что я все время веду здесь речь о совершенно непосредственном, инстинктивном влечении, из которого только и возникает настоящая влюбленность. Тот факт, что умная и образованная девушка ценит в мужчине ум и дарование, что рассудительный мужчина подвергает внимательному испытанию характер своей невесты, - все это не имеет никакого отношения к тому предмету, о котором я здесь толкую: всем этим руководится человек при благоразумном выборе для брачного союза, но не при страстной любви, которая только и служит здесь темой наших соображений.

До сих пор я рассматривал только абсолютные мотивы, т.е. такие, которые имеют силу для всякого; теперь перехожу к мотивам относительным, которые индивидуальны, потому что в них все рассчитано на то, чтобы восстановить существующий уже с изъянами родовой тип, исправить те отклонения от него, какие тяготят на личности самого выбирающего, и таким образом дать типу его чистое выражение. Здесь поэтому всякий любит то, чего недостает ему самому. Выбор, основанный на таких относительных мотивах, исходя из индивидуальных свойств и обращаясь на индивидуальные же свойства, имеет гораздо более определенный, решительный и исключительный характер, чем тот, который исходит из мотивов абсолютных; вот почему страстная любовь, в настоящем смысле этого слова, по большей части ведет свое начало от этих относительных мотивов, и только обыкновенная, более легкая склонность вытекает из мотивов абсолютных. В связи с этим великую страсть обыкновенно зажигают в мужчине вовсе не безукоризненные, идеальные красавицы. Для возникновения подобного, действительно страстного влечения необходимо нечто такое, что можно выразить только посредством химической метафоры: оба любовника должны нейтрализовать друг друга, как нейтрализуются кислота и щелочь в среднюю соль. Необходимые для этого условия в существенном таковы. Во-первых, всякая половая определенность - односторонность. В одном индивидууме выражается она сильнее и имеет более высокую степень, чем в другом; поэтому в каждом индивидууме она может быть дополнена и нейтрализована предпочтительно теми, а не иными свойствами другого пола, ведь индивидуум нуждается в такой односторонности, которая была бы противоположна его собственной, для того, чтобы восполнить тип человечества в новом,

имеющем родиться индивидууме, к свойствам которого все только и сводится. Физиологам известно, что половые признаки допускают бесчисленное множество степеней, так что мужчина спускается до отвратительной формы гинандера и гипоспадея, а женщина возвышается до грациозной андрогини; с обеих сторон дело может дойти до полного гермафродитизма, на этой ступени находятся те индивидуумы, которые занимают как раз середину между обоими полами, не могут быть причислены ни к тому, ни к другому и, следовательно, неспособны к деторождению. Для той взаимной нейтрализации двух индивидуальностей, о которой мы говорим, необходимо поэтому, чтобы определенная степень его мужественности точно соответствовала ее женственности; при таком условии обе односторонности взаимно сглаживаются. И оттого самый мужественный мужчина будет искать самой женственной женщины, и наоборот, точно так же всякий индивидуум будет тяготеть к той степени половой определенности, которая соответствует его личным свойствам. Насколько между двумя особями существует в этом смысле необходимое соотношение, это они чувствуют инстинктивно, и это, наряду с другими относительными мотивами, лежит в основании высших степеней влюбленности. И потому, когда влюбленные патетически говорят о гармонии своих душ, то в большинстве случаев это сводится к соответствию, которое существует между ними по отношению к их будущему дитяти и его совершенствам, что, очевидно, гораздо важнее, нежели гармония их душ, которая часто, вскоре после свадьбы, разрешается в самый вопиющий диссонанс. К этому примыкают и дальнейшие относительные мотивы, и все они основываются на том, что каждый индивидуум стремится подавить свои слабости, недостатки и отклонения от нормального человеческого типа в соединении с другою особью для того, чтобы они не повторились в их будущем дитяти или не разрослись до полной уродливости. Чем слабее мужчина в мускульном отношении, тем больше станет он искать сильных женщин; то же с своей стороны делают женщины. Но так как у женщин по самой их природе мускулатура обыкновенно слабее, то они обыкновенно и предпочитают мужчин посильнее.

Далее, важную роль в половой любви играет рост. Мужчины малого роста имеют решительную склонность к высоким женщинам, и наоборот. При этом любовь маленького мужчины к большим женщинам будет особенно страстна, если он сам родился от высокого отца и только благодаря влиянию матери остался невысоким: это потому, что от отца унаследовал он такую систему сосудов и такую энергию ее, которые могли бы снабжать кровью большое тело. Если же его отец и дед сами уже были малого роста, то эта склонность будет менее заметна. Если большие женщины не любят больших мужчин, то это объясняется тем, что природа стремится не допускать слишком зрелого поколения в тех случаях, когда при силах данной женщины оно оказалось бы слишком слабо для того, чтобы быть долговечным. И если такая женщина все же выберет себе великорослого супруга, хотя бы для большей представительности в обществе, то за эту глупость должно будет расплачиваться потомство.

Очень важна далее и окраска волос. Белокурые непременно тяготеют к черноволосым или шатенкам; наоборот же бывает редко. Объясняется это тем, что белокурые волосы и голубые глаза составляют уже некоторую игру природы, почти аномалию, нечто вроде белых мышей или, по крайней мере, белой лошади. Они не встречаются ни в какой другой части света, кроме Европы; их нет даже вблизи полюсов, и вышли они, очевидно, из Скандинавии. Кстати, выскажу здесь свое мнение, что белый цвет кожи не естествен для людей, а природная кожа их - черная или коричневая, как у наших родоначальников-индусов; первоначально из недр природы не выходил ни один белый человек, и следовательно, белой расы вовсе и не существует, несмотря на все толки о ней: каждый белый человек - это человек вылинявший. Оттесненный на чуждый для него север, где он чувствует себя каким-то экзотическим растением и подобно ему зимою нуждается в теплице, человек на протяжении тысячелетий сделался белым. Цыгане, это индийское племя, которое переселилось к нам не более четырех столетий назад, являют нам переход от индусской окраски тела к нашей. Вот почему в половой любви природа стремится обратно к черным волосам и темным глазам, т.е. к своему прототипу. Что же касается белого цвета кожи, то он стал нашей второй природой, хотя и не настолько, чтобы нас отталкивал коричневый цвет индусов.

Наконец, и в отдельных органах каждый ищет корректива для своих недостатков и аномалий, и тем усерднее, чем важнее самый орган. Вот почему курносые индивидуумы несказанно любят носы

ястребиные, физиономии попугаеподобные. То же замечается и относительно других органов. Люди чрезмерно стройные, с раздавшимся в длину телом, могут даже находить привлекательность в приземистых и сутуловатых личностях.

Аналогичное действие имеют особенности темперамента: всякий предпочитает темперамент, противоположный собственному, но лишь в той мере, в какой последний отличается полной определенностью. Кто сам в каком-либо отношении вполне совершенен, тот, если и не тяготеет в другой особи к соответственным недостаткам, во всяком случае легче других примиряется с ними, потому что сам он обеспечивает своих будущих детей от больших недостатков в данном отношении. Кто, например, обладает очень белым цветом кожи, того не оттолкнет в другой особи желтоватый цвет лица, а кто сам отличается желтизной, тот в ослепительной белизне будет видеть нечто божественно-прекрасное. Редкий случай, чтобы мужчина влюбился в чрезвычайно безобразную женщину, бывает тогда, когда при упомянутой выше точной гармонии в степени половой характерности все аномалии этой женщины как раз противоположны его собственным, т.е. составляют по отношению к ним корректив.

Та глубокая серьезность, с которой мы испытующе рассматриваем каждую часть женского тела и с которой женщины в свою очередь рассматривают мужчин; та критическая разборчивость, с которой мы оглядываем женщину, начинающую нам нравиться; то напряженное внимание, с которым жених наблюдает свою невесту; его осмотренность и опасение, как бы не обмануться ни в одном ее органе; то высокое значение, которое он приписывает всякому плюсу или минусу в наиболее существенных органах ее, - все это вполне отвечает серьезности самой цели отношений, возникающих между данной четой. Ибо над их ребенком в течение всей его жизни будут тяготеть изъяны материнского органа; если, например, женщина хоть несколько кривобока, то она легко может взвалить на плечи своего сына горб, так это обстоит и по отношению ко всем остальным органам. Конечно, весь этот трудный выбор женщины производится нами не сознательно, наоборот, всякий воображает, будто он действует исключительно ради собственного наслаждения (которое в сущности может здесь и не играть никакой роли). Однако, несмотря на эту бессознательность, всякий делает именно такой выбор, какой, при наличности его собственной структуры, соответствует интересам рода: сохранить тип этого рода в возможной чистоте - вот что является здесь тайною задачей. Индивидуум действует здесь бессознательно для самого себя, по поручению некоторого высшего начала - рода: отсюда та важность, какую он придает вещам, к которым он, в качестве индивидуума, мог бы и даже должен был бы относиться равнодушно. Есть нечто совершенно своеобразное в той глубокой, бессознательной серьезности, с какою два молодых человека разного пола рассматривают друг друга при первой встрече, в тех испытующих и пронизательных взглядах, которыми они обмениваются, в том внимательном осмотре, которому они оба подвергают все черты и органы друг друга. Это изучение и испытание - не что иное, как размышление гения рода о том индивидууме, который может родиться от данной четы, и о комбинациях его свойств. От результатов этого размышления зависит степень того, насколько молодые люди понравятся друг другу и насколько сильно будет их взаимное влечение. Последнее, достигнув уже значительной степени, может внезапно опять угаснуть, если откроется что-нибудь такое, что раньше оставалось незамеченным.

Таким образом, во всех людях, способных к деторождению, гений рода размышляет о грядущем поколении. Созидание последнего - вот та великая работа, которой неустанно занимается Купидон в своих делах, в своих мечтах и мыслях. Сравнительно с важностью его великого дела, которое касается рода и всех грядущих поколений, дела индивидуумов в их эфемерной совокупности очень мелки, и поэтому Купидон всегда готов без дальней думы принести эти индивидуумы в жертву. Ибо он относится к ним, как бессмертный к смертным, и его интересы относятся к их интересам, как бесконечное к конечному. Итак, Купидон в сознании того, что он ведает заботы гораздо высшего порядка, нежели те, которые касаются только индивидуального благополучия и горя, отдается им с возвышенной невозмутимостью - в шуме войны, в сутолоке практической жизни или в разгаре чумы, и они влекут его даже в уединенные кельи монастыря.

Выше мы видели, что интенсивность влюбленности возрастает с ее индивидуализацией: мы указали, что физические свойства обоих индивидуумов должны быть таковы, чтобы в целях возможно лучшего восстановления родового типа один индивидуум служил вполне специфическим и совершенным восполнением другого и поэтому чувствовал вожделение исключительно к нему. В этом случае возникает уже серьезная страсть, которая именно потому, что она обращена на единственный объект и только на него один, т.е. действует как бы по специальному поручению рода, непосредственно и получает более возвышенный и благородный характер. Наоборот, обыкновенное половое влечение пошло, так как, чуждое индивидуализации, оно направлено на всех и стремится к сохранению рода только в количественном отношении, без достаточного внимания к его качеству. Индивидуализация же, а с нею и интенсивность влюбленности, может иногда достигнуть такой высокой степени, что если ей не дают удовлетворения, то все блага мира и даже самая жизнь теряют для нас всякую цену. Она превращается тогда в желание, которое возрастает до совершенно необычайной напряженности, ради которого мы готовы на всякие жертвы и которое, если нам бесповоротно отказывают в его осуществлении, способно довести до сумасшествия или до самоубийства. В основе такой чрезмерной страсти, вероятно, лежат какие-то другие бессознательные побуждения, помимо указанных выше, для нас не столь очевидные. Мы должны поэтому допустить, что здесь не только телесные организации, но и воля мужчины и интеллект женщины находятся между собою в каком-то специальном соответствии, в результате чего только они именно, этот мужчина и эта женщина, и могут породить вполне определенную особь, существование которой задумал гений рода по соображениям, коренящимся во внутренней сущности вещей и потому для нас недоступным. Или, говоря точнее: воля к жизни хочет здесь объективироваться в совершенно определенном индивидууме, который может произойти только от этого отца и от этой матери. Это метафизическое вожделение воли, как таковой, не имеет непосредственно другой сферы действия в ряду живых существ, кроме как сердца будущих родителей, которые поэтому и охватываются любовным порывом и мнят, будто они только ради самих себя желают того, что на самом деле пока имеет еще цель только чисто метафизическую, т.е. лежащую вне сферы реально наличных вещей. Таким образом, вытекающее из первоисточника всех существ стремление будущего индивидуума, который здесь выступает только как возможный, стремление этого индивидуума войти в бытие - вот что в явлении представляется нам как высокая, всем другим пренебрегающая страсть будущих родителей друг к другу; а на самом деле это - беспримерная иллюзия, в силу которой влюбленный готов отдать все блага мира за то, чтобы совокупиться именно с этой женщиной, между тем как в действительности она не даст ему ничего больше, чем всякая другая. А что все дело здесь именно в совокуплении, вытекает из того, что даже эта высокая страсть, как и всякая другая, гаснет в наслаждении, к великому изумлению ее участников. Она гаснет и тогда, когда возможная бесплодность женщины (по Гуфеланду, это бывает в силу девятнадцати случайных недостатков телосложения) разрушает истинную метафизическую цель полового общения, как рушится последняя и ежедневно в миллионах растаптываемых зародышей, в которых стремится к бытию то же метафизическое жизненное начало; в этой потере нет другого утешения, кроме того, что воле к жизни открыта бесконечность пространства, времени, материи, а следовательно - и неисчерпаемая возможность вернуться в бытие.

По-видимому, Теофраст Парацельз, который не обсуждал этой темы и был очень далек от всего строя моих воззрений, все-таки напал, хотя и мимоходом, на изложенную здесь мысль: дело в том, что в совершенно другом контексте и в своей обычной беспорядочной манере он сделал однажды следующее интересное замечание: "это - те, которых совокупил Бог, подобно той, которая принадлежала Урии и Давиду; хотя это (так внушила тебе человеческая мысль) и диаметрально противоречило честному и законному супружеству... Но ради Соломона, который не мог родиться ни от кого другого, кроме как от Вирсавии в соединении с семенем Давида, Бог и сочетал его с нею, хотя и стала она прелюбодейкой" ("О долгой жизни", I, 5). Тоска любви, которую поэты всех времен неутомимо воспевали на разные и бесконечные лады и которой все-таки не исчерпали, которая даже не под силу их изобразительной мощи; эта тоска, которая с обладанием определенной женщиной соединяет представление о бесконечном блаженстве и невыразимую печаль соединяет с мыслью, что такое обладание недостижимо, - эта тоска и эта печаль любви не могут почерпнуть своего содержания из потребностей какого-нибудь эфемерного индивидуума: нет, это - вздохи

гения рода, который видит, что здесь ему суждено обрести или потерять незаменимое средство для своих целей, и потому он глубоко стонет. Только род имеет бесконечную жизнь, и поэтому только он способен к бесконечным желаниям, к бесконечному удовлетворению и к бесконечным скорбям. Между тем здесь, в любви, все это заключено в тесную грудь смертного существа: что же удивительного, если эта грудь иногда готова разорваться и не может найти выражения для переполняющих ее предчувствий бесконечного блаженства или бесконечной скорби? Вот что, следовательно, дает содержание высоким образцам всякой эротической поэзии, которая поэтому и изливается в трансцендентных метафорах, воспаряющих над всем земным. Об этом пел Петрарка, это - материал для Сен-Пре, Вертеров и Джакомо Ортизи, которых иначе нельзя было ни понять, ни объяснить. Ибо на каких-нибудь духовных, вообще объективных, реальных преимуществах любимой женщины не может покоиться та бесконечно высокая оценка, которую мы делаем нашей возлюбленной, хотя бы уже потому, что последняя для этого часто недостаточно знакома влюбленному, как это было в случае с Петраркой. Только дух рода один может видеть с первого же взгляда, какую цену имеет женщина для него, для его целей. И великие страсти возникают обыкновенно с первого же взгляда: "Любил ли тот, кто сразу не влюбился?" (Шекспир. "Как Вам это понравится?". III, 5). Замечательно в этом отношении одно место из знаменитого, вот уже двести пятьдесят лет, романа "Гузман де Альфараш" Маттео Алемана: "Для того чтобы полюбить, не нужно много времени, не нужно размышлять и делать выбор: необходимо только, чтобы при первом и едином взгляде возникло некоторое взаимное соответствие и сочувствие, то, что в обыденной жизни мы называем обыкновенно симпатией крови и для чего надобно особое влияние созвездий" (ч. II, кн. III, гл. 5). Вот почему и утрата любимой женщины, похищенной соперником или смертью, составляет для страстно влюбленного такую скорбь, горше которой нет ничего: эта скорбь имеет характер трансцендентный, потому что она поражает человека не как простой индивидуум, а в его вечной сущности, в жизни рода, чью специальную волю и поручение он исполнял своей любовью. Оттого-то ревность столь мучительна и яростна, и отречься от любимой женщины - это значит принести величайшую из жертв. Герой стыдится всяких жалоб, но только не жалоб любви; ибо в них вопит не он, а род. В "Великой Зиновии" Кальдерона Децием говорит:

*О небо, значит, ты любишь меня?
За это я отдал бы тысячи побед,
Отступил бы с поля брани и т.д.*

Таким образом, честь, которая до сих пор преобладала над всеми интересами, сейчас же уступает поле битвы, как только в дело вмешивается полая любовь, т.е. интересы рода; на стороне любви оказываются решительные преимущества, потому что интересы рода бесконечно сильнее, чем самые важные интересы, касающиеся только индивидуумов. Исключительно перед интересами рода отступают честь, долг и верность, которые до сих пор противостояли всяким другим искушениям и даже угрозам смерти. Обращаясь к частной жизни, мы тоже видим, что ни в одном пункте совестливость не встречается так редко, как именно здесь: даже люди вполне правдивые и честные иногда поступают своею честностью и не задумываясь изменяют супружескому долгу, когда ими овладевает страстная любовь, т.е. интересы рода. И кажется даже, что в этом случае они находят для себя оправдание более высокое, нежели то, какое могли бы представить какие бы то ни было интересы индивидуумов, именно потому, что они поступают в интересах рода. Замечательно в этом смысле изречение Шамфора: "когда мужчина и женщина питают друг к другу сильную страсть, то мне всегда кажется, что каковы бы ни были препоны, их разлучающие (муж, родные и т.д.), влюбленные предназначены друг для друга самой природой, имеют друг на друга божественное право, вопреки законам и условностям человеческого общежития". Кто вздумал бы возмущаться этим, пусть вспомнит то поразительное снисхождение, с каким Спаситель отнесся в Евангелии к грешнице: ведь Он такую же точно вину предполагал и во всех присутствовавших. С этой точки зрения, большая часть "Декамерона" представляет собою не что иное, как издевательство и насмешку гения рода над правами и интересами индивидуумов, над интересами, которые он попирает ногами. С такую же легкостью гений рода устраняет и обращает в ничто все общественные различия и

тому подобные отношения, если они противодействуют соединению двух страстно влюбленных существ: в стремлении к своим целям, направленным на бесконечные ряды грядущих поколений, как пух, сдувает он со своего пути все подобные условности и соображения человеческих уставов. В силу тех же глубоких оснований, там, где дело идет о цели, к которой стремится любовная страсть, человек охотно идет на всякую опасность, и даже робкий становится тогда отважным. Точно так же и в драмах и романах мы с участием и отрадой видим, как молодые герои борются за свою любовь, т.е. за интересы рода, как они в этой борьбе одерживают победу над стариками, которые думают только о благе индивидуумов. Ибо стремления влюбленных представляются нам настолько важнее, возвышеннее и потому справедливее, чем всякое другое стремление, ему противодействующее, насколько род значительнее индивидуума. Вот почему основной темой почти всех комедий служит появление гения рода с его целями, которые противоречат личным интересам изображаемых индивидуумов и потому грозят разрушить их счастье. Обыкновенно гений рода достигает своих целей, и это, как соответствующее художественной справедливости, дает зрителю удовлетворение: ведь последний чувствует, что цели рода значительно возвышаются над целями индивидуума. И оттого в последнем действии зритель вполне спокойно покидает увенчанных победой любовников, так как и он разделяет с ними ту иллюзию, будто они воздвигли этим фундамент собственного счастья, между тем как на самом деле они пожертвовали им для блага рода, вопреки желанию предусмотрительных стариков. В некоторых неестественных комедиях были попытки представить все дело в обратном виде и упрочить счастье индивидуумов в ущерб целям рода: но тогда зритель чувствует ту скорбь, какую испытывает при этом гений рода, и не утешают его приобретенные такую ценою блага индивидуумов. Как примеры этой категории, можно назвать две очень известные маленькие пьесы: "16-летняя королева" и "Брак по расчету". В большинстве трагедий с любовной интригой, когда цели рода не осуществляются, влюбленные, которые служили его орудием, тоже погибают, например, в "Ромео и Джульетте", "Танкреде", "Дон Карлосе", в "Валленштейне", "Мессинской невесте" и т.д.

Когда мужчина влюблен, то это часто порождает комические, а иногда и трагические эпизоды, и то, и другое потому, что, одержимый духом рода, он всецело подпадает его власти и не принадлежит больше самому себе: вот отчего его поступки и не соответствуют тогда существу индивидуальному. Если на высших ступенях влюбленности его мысли получают возвышенную и поэтическую окраску, если они принимают даже трансцендентное и сверхфизическое направление, в силу которого он, по-видимому, совершенно теряет из виду свою настоящую, очень физическую цель, то это объясняется тем, что он вдохновлен теперь гением рода, дела которого бесконечно важнее, чем все касающееся только индивидуумов, вдохновлен для того, чтобы во исполнение его специального поручения заложить основание всей жизни для неопределенно долгого ряда грядущих поколений, отличающихся именно данными, индивидуально и строго определенными, свойствами, которые они, эти поколения, могут получить только от него, как отца, и от его возлюбленной, как матери, причем самые эти поколения, как таковые, иначе, т.е. помимо него, никогда не могли бы достигнуть бытия, между тем как объективация воли к жизни этого бытия решительно требует. Именно смутное сознание того, что здесь совершается событие такой трансцендентной важности, - вот что поднимает влюбленного столь высоко над всем земным, даже над самим собою, и дает его весьма физическим желаниям такую сверхфизическую оболочку, что любовь является поэтическим эпизодом даже в жизни самого прозаического человека (в последнем случае дело принимает иногда комический вид). Это поручение воли, объективирующейся в роде, представляется сознанию влюбленного под личиной антиципации бесконечного блаженства, которое он будто бы может найти в соединении именно с этой, индивидуальной женщиной. На высших ступенях влюбленности эта химера облекается в такое сияние, что в тех случаях, когда она не может осуществиться, жизнь теряет для человека всякую прелесть и обращается в нечто столь безрадостное, пустое и противное, что отвращение к ней перевешивает даже страх смерти, и люди в этом положении часто добровольно обрывают свою жизнь. Воля такого человека попадает в водоворот воли рода; иначе говоря, последняя настолько берет перевес над индивидуальной волей, что если та не может действительно проявиться в своем первом качестве, как воля рода, то она презрительно отвергает и действительность в качестве последнем, как воли индивидуальной. Индивидуум является здесь слишком слабым сосудом для того, чтобы он мог вместить в себе беспредельную тоску воли рода, тоску, которая

сосредоточивается на каком-нибудь определенном объекте. Вот почему в этих случаях исходом бывает самоубийство, иногда двойное самоубийство влюбленных; помешать ему может только природа, когда она для спасения жизни насылает безумие, которое своим покровом облакает для человека сознание этого безнадежного положения. Года не проходит, чтобы несколько подобных случаев не подтверждали всей реальности того, о чем я говорю.

Но не только неудовлетворенная любовь имеет порою трагический исход: нет, и удовлетворенная тоже чаще ведет к несчастью, чем к счастью. Ибо ее притязания нередко так сильно сталкиваются с личным благополучием влюбленного, что подрывают последнее, так как они несоединимы с прочими сторонами его существования и разрушают построенный на них план его жизни. Да и не только с внешними обстоятельствами любовь часто вступает в противоречие, но даже и с собственной индивидуальностью человека, ибо страсть устремляется на такие существа, которые, помимо половых отношений, способны возбуждать у влюбленного одно только презрение, ненависть и даже прямое отвращение. Но воля рода настолько могущественнее воли индивидуума, что влюбленный закрывает глаза на все эти непривлекательные для него свойства, ничего не видит, ничего не сознает и навсегда соединяется с предметом своей страсти; так ослепляет его эта иллюзия, которая, лишь только воля рода получит себе удовлетворение, исчезает и взамен себя оставляет ненавистную спутницу жизни. Только этим и объясняется, что очень умные и даже выдающиеся мужчины часто соединяются с какими-то чудовищами и дьяволами в образе супруг, и мы тогда удивляемся, как это они могли сделать подобный выбор. Вот почему древние и изображали Амура слепым. Влюбленный может даже ясно видеть и с горечью сознавать невыносимые недостатки в темпераменте и характере своей невесты, сулящие ему несчастную жизнь, и тем не менее это не пугает его:

*Не тужу я, не спрошу я,
В чем твоя вина.
Знаю только, что люблю я,
Кто б ты ни была.*

Ибо в сущности влюбленный преследует не свои интересы, а интересы кого-то третьего, который должен еще только возникнуть, хотя и пленяет его иллюзия, будто он старается здесь о своем личном деле. Но именно это стремление не к личным интересам, которое характеризует все великое, и придает страстной любви оттенок возвышенного и делает ее достойным объектом поэтического творчества.

Наконец, половая любовь уживается даже с сильнейшей ненавистью к ее предмету; вот почему еще Платон сравнил ее с любовью волка к овцам. Это бывает именно тогда, когда страстно влюбленный, несмотря на все свои усилия и мольбы, ни за что не может добиться благосклонности: “Я люблю ее и ненавижу ее” (Шекспир. Цимб[елин], III, 5).

Возжигающаяся тогда ненависть к любимой женщине заходит порою столь далеко, что влюбленный убивает ее, а затем и себя. По несколько случаев такого рода обыкновенно происходит каждый год: прочтите в газетах. Совершенно верны поэтому следующие стихи Гете (“Фауст”, перевод Н. Холодковского):

*Клянусь отвергнутой любовью, бездной ада!
Ругался б хуже я, да нечем - вот досада.*

Это в самом деле не гипербола, когда влюбленный называет жестокостью холодность возлюбленной и тщеславное удовольствие, которое она испытывает, глядя на его страдания. Ибо он находится во власти такого побуждения, которое, будучи родственно инстинкту насекомых,

заставляет его, вопреки всем доводам рассудка, неуклонно стремиться к своей цели и ради нее пренебрегать всем другим: иначе он делать не может. На свете был не один Петрарка: их было много - людей, которые неудовлетворенную тоску своей любви должны были в течение всей своей жизни владеть на себе как вериги, как оковы на ногах и в одиночестве лесом изливать свои стоны; но только одному Петрарке был в то же время присущ и поэтический гений, так что к нему относятся прекрасные стихи Гете:

*И пусть человек онемел в своих муках,
Во мне есть Божий дар сказать, как я страдаю.*

В действительности гений рода ведет постоянную борьбу с гениями-хранителями индивидуумов; он - их гонитель и враг, он всегда готов беспощадно разбить личное счастье, для того чтобы достигнуть своих целей, и даже благо целых народов иногда приносилось в жертву его капризам: пример этого дает нам Шекспир в "Генрихе VI" (часть 3, действие 3, явления 2 и 3). Все это объясняется тем, что род, в котором лежат корни нашего существа, имеет на нас более близкое и раннее право, чем индивидуум; вот почему интересы рода преобладают в нашей жизни. Это чувствовали древние, и потому они олицетворяли гений рода в Купидоне: несмотря на свой детский облик, это был неприязненный, жестокий и оттого обесславленный бог, капризный, деспотический демон, но в то же время владыка богов и людей: "Ты, Амур, тиран богов и людей".

Смертоубийственный лук, слепота и крылья - вот его атрибуты. Последние указывают на его непостоянство: оно обыкновенно возникает лишь вместе с разочарованием, которое является в результате удовлетворения.

Так как страсть зиждется на иллюзии, которая то, что имеет цену для рода, представляет как нечто ценное для индивидуума, то по удовлетворении цели рода эти чары должны исчезнуть. Дух рода, овладевший было индивидуумом, теперь снова отпускает его на волю. И отпущенный им, индивидуум снова впадает в свою первоначальную ограниченность и скудость; и с изумлением видит он, что после столь высоких, героических и беспредельных исканий он не получил другого наслаждения, кроме того, которое связано с обычным удовлетворением полового инстинкта; против ожидания он не чувствует себя счастливее, чем прежде. Он замечает, что его обманула воля рода. Вот почему, осчастливленный, Тезей обыкновенно покидает свою Ариадну. Если бы страсть Петрарки обрела себе удовлетворение, то с этого момента смолкли бы его песни, как замолкает птица, когда она положит свои яйца.

Замечу кстати, что хотя моя метафизика любви должна особенно не понравиться именно тому, кто опутан сетями этой страсти, тем не менее, если доводы рассудка вообще могут иметь какую-нибудь силу в борьбе с нею, то раскрытая мною истина должна больше всего другого способствовать победе над страстью. Но, конечно, всегда останется в силе изречение древнего комика: "бессилен разум над тем, что само по себе лишено всякой разумности и меры".

Браки по любви заключаются в интересах рода, а не индивидуумов. Правда, влюбленные мнят, что они идут навстречу собственному счастью: но действительная цель их любви чужда им самим, потому что она заключается в рождении индивидуума, который может произойти только от них. Соединенные этой целью, они вынуждены впоследствии уживаться друг с другом как знают; но очень нередко чета, соединенная этой иллюзией инстинкта, которая составляет сущность страстной любви, во всех других отношениях представляет нечто весьма разнородное. Это обнаруживается тогда, когда иллюзия в силу необходимости исчезает.

Вот почему браки по любви и бывают обыкновенно несчастливы: в них настоящее поколение приносится в жертву для блага поколений грядущих. "Кто женится по любви, тот будет жить в печали", - говорит испанская пословица. Обратное дело обстоит с браками по расчету, которые

большую часть заключаются по выбору родителей. Соображения, господствующие здесь, какого бы рода они ни были, по меньшей мере реальны, и сами по себе они не могут исчезнуть. В них забота направлена на благо текущего поколения, хотя, правда, и в ущерб поколению грядущему, причем это благо текущего поколения остается все-таки проблематично. Мужчина, который при женитьбе руководится деньгами, а не своею склонностью, живет больше в индивидууме, чем в роде, а это прямо противоречит истинной сущности мира, является чем-то противоестественным и возбуждает известное презрение. Девушка, которая вопреки совету своих родителей отвергает предложение богатого и нестарого человека, для того чтобы, отбросив всякие условные соображения, сделать выбор исключительно по инстинктивному влечению, приносит в жертву свое индивидуальное благо благу рода. Но именно потому ей нельзя отказать в известном одобрении, так как она предпочла более важное и поступила в духе природы (точнее - рода), между тем как совет родителей был проникнут духом индивидуального эгоизма.

В силу всего этого дело получает такой вид, как будто при заключении брака надо поступаться либо индивидуумом, либо интересами рода. И действительно, в большинстве случаев так и бывает: ведь это очень редкий и счастливый случай, чтобы условные соображения и страстная любовь шли рука об руку. Если большинство людей в физическом, моральном или интеллектуальном отношении столь жалки, то отчасти это, вероятно, объясняется тем, что браки обыкновенно заключаются не по прямому выбору и склонности, а в силу разного рода внешних соображений и под влиянием случайных обстоятельств. Если наряду с расчетом в известном смысле принимается в соображение и личная склонность, то это представляет собою как бы сделку с гением рода. Как известно, счастливые браки редки: такова уже самая сущность брака, что главною целью его служит не настоящее, а грядущее поколение. Но в утешение нежных и любящих душ прибавлю, что иногда к страстной половой любви присоединяется чувство совершенно другого происхождения - именно настоящая дружба, основанная на солидарности взглядов и мыслей; впрочем, она большей частью является лишь тогда, когда собственно половая любовь, удовлетворенная, погасает. Такая дружба в большинстве случаев возникает оттого, что те физические, моральные и интеллектуальные свойства обоих индивидуумов, которые дополняют одни другие и между собою гармонируют и из которых в интересах будущего дитяти зародилась половая любовь, эти самые свойства, как противоположные черты темперамента и особенности интеллекта, и по отношению к самим индивидуумам восполняют одни другие и этим создают гармонию душ.

Вся изложенная здесь метафизика любви находится в тесной связи с моей метафизикой вообще, и освещение, которое она дает последней, можно резюмировать в следующих словах. Мы пришли к выводу, что тщательный и через бесконечные ступени до страстной любви восходящий выбор при удовлетворении полового инстинкта основывается на том в высшей степени серьезном участии, какое человек принимает в специфически личных свойствах грядущего поколения. Это необыкновенно примечательное участие подтверждает две истины, изложенные мною в предыдущих главах: 1) То, что неразрушима внутренняя сущность человека, которая продолжает жить в грядущем поколении. Ибо это столь живое и ревностное участие, которое возникает не путем размышления и преднамеренности, а вытекает из самых сокровенных побуждений нашего существа, не могло бы отличаться таким неискоренимым характером и такой великой властью над человеком, если бы он был существо абсолютно преходящее и если бы поколение, от него реально и безусловно отличное, приходило ему на смену только во времени. 2) То, что внутреннее существо человека лежит больше в роде, чем в индивидууме. Ибо тот интерес к специфическим особенностям рода, который составляет корень всяческих любовных отношений, начиная с мимолетной склонности и кончая самой серьезной страстью, этот интерес, собственно говоря, представляет для каждого самое важное дело в жизни: удача в нем или неудача затрагивает человека наиболее чувствительным образом; вот почему такие дела по преимуществу и называются сердечными делами. И если этот интерес приобретает решительное и сильное значение, то перед ним отступает всякий другой интерес, направленный только на собственную личность индивидуума, и в случае нужды приносится ему в жертву. Этим, следовательно, человек свидетельствует, что род лежит к нему ближе, чем индивидуум, и что он непосредственнее живет в первом, нежели в последнем.

Итак, почему же влюбленный так беззаветно смотрит и не насмотрится на свою избранницу и готов для нее на всякую жертву? Потому что к ней тяготеет бессмертная часть его существа: всего же иного желает только его смертное начало. Таким образом, то живое или даже пламенное вожелание, с каким мужчина смотрит на какую-нибудь определенную женщину, представляет собой непосредственный залог неразрушимости ядра нашего существа и его бессмертия в роде. И считать такое бессмертие за нечто малое и недостаточное - это ошибка; объясняется она тем, что под грядущей жизнью в роде мы не мыслим ничего иного, кроме грядущего бытия подобных нам, но ни в каком отношении не тождественных с нами существ; а такой взгляд в свою очередь объясняется тем, что исходя из познания, направленного вовне, мы представляем себе только внешний облик рода, как мы его воспринимаем наглядно, а не внутреннюю сущность его. Между тем именно эта внутренняя сущность и есть то, что лежит в основе нашего сознания, как его зерно, что поэтому непосредственнее даже, чем самое сознание, и что как вещь в себе, свободная от принципа индивидуации, представляет собою единое и тождественное начало во всех индивидуумах, существуют ли они одновременно или проходят друг за другом. Эта внутренняя сущность - воля к жизни, т.е. именно то, что столь настоятельно требует жизни и жизни в будущем, то, что недоступно для беспощадной смерти. Но и с другой стороны, эта внутренняя сущность, эта воля к жизни, не может обрести себе лучшего состояния, нежели то, каким является ее настоящее; а поэтому вместе с жизнью для нее неизбежны непрерывные страдания и смерть индивидуумов. Освободить ее от страданий предоставлено отрицанию воли к жизни, посредством которого индивидуальная воля отрешается от ствола рода и прекращает в нем свое собственное бытие. Для определения того, чем становится воля к жизни тогда, у нас нет никаких понятий и даже никакого материала для них. Мы можем охарактеризовать это лишь как нечто такое, что имеет свободу быть волей к жизни или не быть. Для последнего случая у буддизма есть слово Нирвана... Это - предел, который навсегда останется недоступным для всякого человеческого познания, как такового.